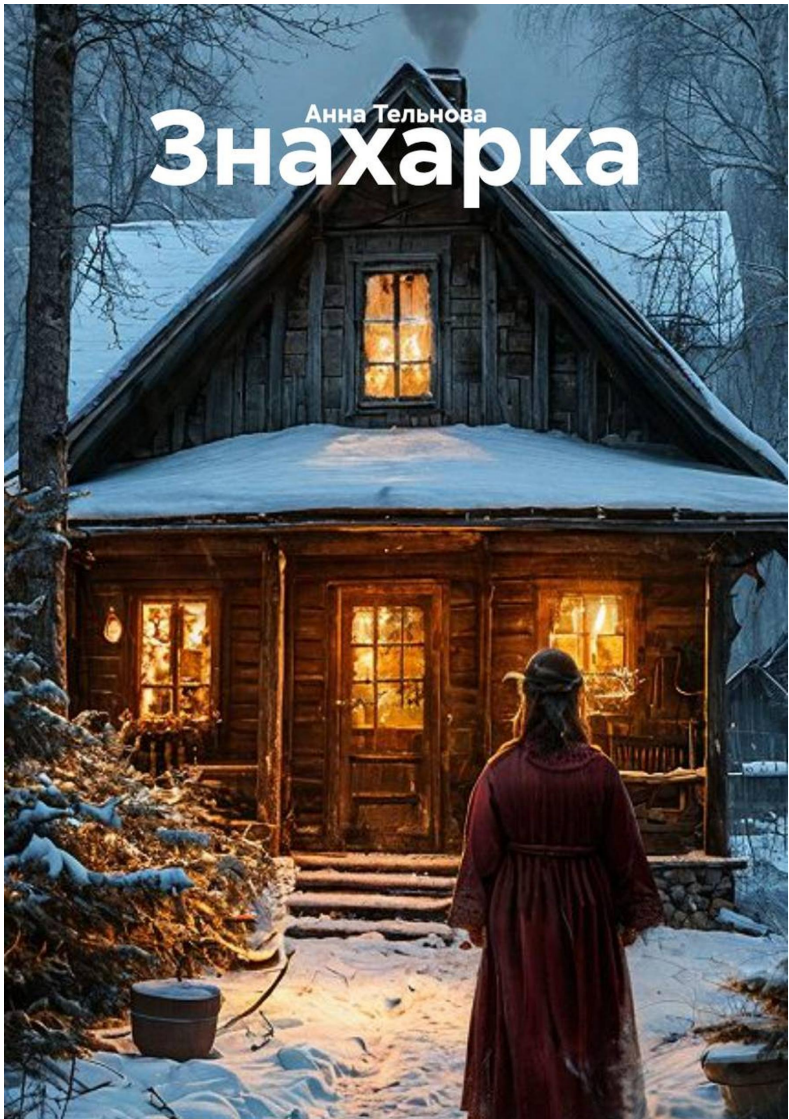

Анна Тельнова

Знахарка

Анна Тельнова

Знахарка

<https://litres.ru/74356724>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спустя тринадцать лет после сожжения знахарки Марии её призрак возвращается в родной дом, чтобы защитить мужа и повзрослевшую дочь от обезумевшего тестя. Тепло семейного очага возвращает духу плоть, а страх односельчан сменяется раскаянием, превращая страшную легенду о ведьме в светлую историю воссоединения семьи под новогодней елью.

Содержание

Пролог	4
Глава 2	7
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна Тельнова

Знахарка

Пролог

Восходящая луна, бледная и огромная, заливала жидким серебром полупустые улицы посёлка. Она выхватывала из густых сумерек мокрые крыши домов, покосившиеся заборы и одинокие фонари, чьи стёкла были покрыты сеткой дождя.

Ветер тоскливо завывал в проводах, продувая посёлок насквозь. Он гнал по разбитой дороге опавшие листья и мелкий сор, словно унося с собой саму историю этого места - его забытые голоса, старые обиды и тихую радость, превращая их в едва уловимые воспоминания прошлого. Время от времени эту глухую тишину нарушал лишь мерный гул стихии да звонкие капли: они срывались с карнизов, шиферных крыш бань и сараев, тяжело ударяясь о тёмную землю и собираясь в быстрые ручейки вдоль поребриков.

Все сидели в своих домах, прячась от непогоды за двойными рамами и плотными шторами. В одном из таких тёплых окон горел неяркий свет. Семья готовилась к ужину. Мать ловко накрывала на стол, расставляя простые глиняные тарелки. Отец, укутавшись в старый плед, читал вчерашнюю газету на веранде, вслушиваясь в шум ветра. Дети тихо вози-

лись рядом, помогая маме резать свежий хлеб. Они переехали сюда совсем недавно, чуть больше недели назад, и только начинали обживать на новом месте, пытаясь свыкнуться с этой звенящей провинциальной тишиной.

Скрипнула входная дверь, впуская порыв сырого сквозняка. На пороге стояла соседка — сухонькая старушка в набухшем от влаги шерстяном платке. С её дождевика на вязаный коврик стекала вода. — Господи помилуй! — всплеснула руками женщина, заметив гостью. — Кого же это носит в такую погоду? Я думала, все собаки попрятались!

Старушка мелко перекрестилась на красный угол, стряхнула влагу с плеч и шагнула ближе к свету. В руках она бережно держала плетёную корзину, прикрытую чистым льняным полотенцем. От неё пахнуло домом: сушёными травами, печным теплом и кислым тестом. По-деревенски склонив голову, она приветствовала новых гостей: — Мир вашему дому. Вот, пирожков вам принесла, с капустой да с яблоками. Только из печи.

Мать тут же засуетилась, почувствовав лёгкий укол совести за свой простой ужин. Незваная гостя под проливным дождём несла им угощение. — Что ж вы стоите на холоде! Раздевайтесь, бабушка, проходите. Мойте руки и садитесь с нами за стол, поужинаем вместе.

Старушка благодарно кивнула, оставила корзинку у порога, сняла тяжёлый плащ и послушно села на предложенный табурет. Её морщинистое лицо в свете лампы казалось выре-

занным из старого дерева.— Давно здесь? — спросила она, принимая протянутое полотенце.— Чуть меньше недели, — ответила мать, подкладывая ей самый румяный пирожок.— Значит, ещё никого не знаете?— Нет. Пока что мы даже познакомиться ни с кем не успели, всё вещи разбираем.— Значит, и историю этих мест тоже не слышали? — хитро прищурилась старушка, грея узловатые пальцы о горячую чашку.— Нет. А что? У посёлка есть своя история? — удивилась мать.

Старушка медленно обвела взглядом кухню, задержалась на детских лицах, прислушалась к вою ветра снаружи. Дождь снова усилился, настойчиво барабанил по подоконнику.— Не у посёлка, доченька, — тихо поправила она, понижая голос до полушёпота. — Это легенда ходит по этим лесам и болотам уже многие годы. И рассказывают её по сей день, долгими зимними вечерами... Хотите послушать?...

Глава 2

Лето 1957 года выдалось на редкость знойным и щедрым. Воздух дрожал над раскалённой землёй, а полуденное солнце плавало горизонт. По широким улицам посёлка лениво гулял тёплый ветерок, принося с полей густой аромат нагретых трав, полыни и дорожной пыли. Мужики в исподних рубахах до седьмого пота махали топорами во дворах — готовили дрова к долгой зиме, что-то споро чинили или ладили новые изгороди. Женщины, повязав светлые косынки, хлопотали по хозяйству: тягучее мычание коров сливалось со звонким пением тугих молочных струй о жестяные поддошники. Над всем этим висел неумолкаемый хор деревенской жизни. А детвора оглашала проулки весёлым, звенящим смехом, играя в лапту и поднимая босыми ногами облачка серой пыли.

В стороне от суеты, посреди бескрайнего изумрудного поля под палящим солнцем сидели несколько девушек. Они пасли овец, лениво обмахиваясь ветками, и без умолку щебетали между собой. Мимо них лёгкой походкой прошла Мария. На ней было простое светлое платье, перехваченное на поясе плетёным шнурком, а голову покрывал чистый белый платок. Через плечо у неё была перекинута холщовая сумка. — Эй, Машунь, а ты куда собралась-то? — окликнула её подруга Люся, прикрыв глаза ладонью от солнца. — В лес

за растениями да травами, — не останавливаясь, отозвалась Мария. Голос её был тихим, но уверенным.— Ясно. Ладно, увидимся, — кивнула Люся, возвращаясь к своему вязанию.

Мария шла к лесу неспешно. Для всего посёлка она была кем-то вроде местного врача. К её низкому крыльцу шли тайком, когда прихватывало поясницу, начинался жар у ребёнка или мучила старая рана, полученная ещё на войне. В те времена таких людей называли знахарками. Она одна знала целебную силу каждой былинки в окрестных лесах и болотах, собирая травы для отваров и душистых чаёв лишь в строго определённые дни. Мария была единственной хранительницей этого знания на весь посёлок.

Единственный, кто люто ненавидел её дар, был глава деревни — Афанасий. Суровый старик с окладистой бородой, он держался старой, тёмной веры. Он искренне считал Марию ведьмой, продавшей душу лешему, и часто бормотал себе под нос, что таких нужно жечь на костре, как в старые добрые времена. Афанасий наотрез отказывался признавать в ней лекаря, способного вытащить человека с того света простой корой осины или зверобоем. Но его глухое ворчание тонувало в людской благодарности: односельчане всё равно продолжали нести ей мёд, молоко и полотно, доверяя свои хворобы только ей.

У Марии была дочь — пятилетняя Света, девочка с такими же ясными, как летнее небо, глазами. О муже женщина предпочитала не говорить вовсе, хотя тот всегда был незри-

мо рядом с ней — в бережно хранимых вещах, в повадках дочери, в тишине дома. А потом он просто испарился. Ушёл утром в гости к отцу, свёкру Марии, и сгинул без следа. Ни тела, ни весточки. Мария долго всматривалась в лица односельчан и вскоре поняла страшное: к исчезновению мужа мог быть причастен сам Афанасий. Старик никогда не скрывал своей лютой ненависти к невестке и наверняка решил каким-то жестоким образом разлучить сына с «ведьмой». Из-за этой трагедии Марии пришлось в одиночку тянуть хозяйство и поднимать дочь. Но беда не приходит одна: спустя полгода Афанасий забрал к себе и внучку, лишив Марию последней радости. Однако вместо того чтобы сломаться, женщина назло свекру лишь глубже ушла в своё дело, леча людей с удвоенной яростью.

Терпение Афанасия лопнуло одним душным августовским вечером. Решив покончить с «колдовством» своими руками, он послал двух угрюмых лесников привести Марию к нему на дальний сеновал. Мужики, пряча глаза, подкараулили женщину у лесной опушки. Удар тяжёлым дубовым поленом пришёлся точно в затылок. Бесчувственную, они взвалили её на плечи и принесли хозяину. Афанасий собственноручно привязал извечную врагиню сыромятными ремнями к толстому деревянному столбу, вкопанному прямо в центре площади перед правлением. Поверх набросали охапки сухого, трескучего сена. Когда последние отблески заката окрасили небо в багровый цвет, старик щёлкнул кресалом, за-

палил трут и швырнул огонь в сухую траву. Языки пламени жадно лизнули дерево, взвились вверх чёрным смоляным дымом. Убедившись, что пожар занялся крепко, Афанасий развернулся и ушёл домой спать, оставив приговор приводить в исполнение самой стихии.

Но на утро всё выглядело так, словно ничего не было. Площадь встретила деревню девственной чистотой. Деревянный столб стоял нетронутый, гладкий, даже не пахнущий гарью. Свежее сено вокруг него лежало ровным слоем, никем не примятое. Лишь тонкий серый пепел оседал в утренней росе. Афанасий вышел на крыльцо, уставился на эту картину, и лицо его медленно налилось дурной кровью. Как такое возможно.

Он тяжело спустился с крыльца, прошёл через притихшую площадь и встал на высокое крыльцо правления. Собравшийся народ замер в ожидании. Старик воздел руки к небу, и его сорванный голос прогремел на всю округу:— Видите?! Она ведьма! Нечистый унёс её прямо сквозь пламя! Она исчезла и смогла победить огонь будучи связанной! А вы не верили моим словам!

Из толпы выступил неизвестный мужичок в кепке, местный кузнец, человек смелый и прямой:— А почему вы считаете, что это магия, Афанасий Игнатьич? — спокойно спросил он. — Скорее всего, добрые люди слышали крики, спасли вашу пленницу, пока вы спали, да и прибрали тут всё за ночь, чтоб греха лишнего не вышло! Так что пустой столб —

это никакое не доказательство!

От такой дерзости у старика перехватило дыхание. Его вера в собственную правоту дала трещину, и ужас перед непостижимым смешался с бессильной злобой. Побелевшими пальцами он вцепился в перила.— Раз вы не верите своим глазам и защищаете дьявольское отродье, то сгинете все! — прохрипел он. — Каждого эта участь ждёт! Развернувшись, Афанасий скрылся в темноте коридоров правления и больше на людях не появлялся. Двери его дома оказались накрепко заколочены изнутри. Народ остался стоять на площади, растерянно переглядываясь и гадая, куда на самом деле пропала их тихая знахарка. Одни шептались, что видели её бледный лик в тумане над рекой, другие крестились, говоря, что её унесли ангелы, не дав совершиться греху. Но тропинка к её дому с тех пор заросла высоким бурьяном, а имя Марии стало запретным словом, которое матери передавали детям только шёпотом, пугая их ночной темнотой.

С той поры само имя Марии оказалось под негласным, но строгим запретом. Если маленькая Света спрашивала о маме, старик Афанасий лишь тяжело молчал или цедил сквозь зубы страшную ложь: что мать-де оказалась гулящей и сбежала в город, бросив родное дитя на произвол судьбы. Девочка росла в гулком дедовском доме с отцом и суровым главой деревни. Как выяснилось позже, муж Марии никуда не пропадал — он всё это время был заперт здесь же, во флигеле, сломленный отцовской волей и скрытый от чужих глаз.

Афанасий поначалу торжествовал. Он был искренне доволен тем, что «ведьма» исчезла с лица земли, а её дом медленно зарастает бурьяном. Лишь бесконечные вопросы внучки о матери заставляли его густые морщины болезненно дрогнуть в поисках лживого ответа для маленькой девочки.

Но едва схлынул первый страх, деревня забыла покой. Словно невидимая порча расползлась по посёлку вслед за дымом того костра. Люди стали пугаться странностей, выбивающих их из привычного уклада. То у кого-то пересыхал глубокий колодец, хотя ещё на рассвете вода стояла в нём до самых краёв, то аккуратно сложенные поленья оказывались разбросаны вокруг поленницы, будто кто-то искал среди них нечто спрятанное. Стайки домашней птицы без причины бились в истерике, а коровы отказывались выходить из хлевов, прядая ушами. Афанасий метал громы и молнии. Старик свято верил, что это дух мстительной Марии вернулся с того света, чтобы разорить деревенские уголья и заморить голодом тех, кто не вступился за неё. Но правда была куда сложнее и страшнее простого проклятия.

В один из таких тревожных дней крепкий дровосек Степан отправился в лес к дальней стороже, где мужики хранили запасной инструмент. Едва он углубился в чащу, оставив деревню за спиной, как стих привычный щебет птиц. Воздух стал плотным, тяжёлым, пахнувшим прелой листвой и озонном перед грозой. Внезапно мужчина услышал шелест — сухой, ритмичный звук шагов по прошлогодней хвое. Кто-

то шёл параллельным курсом, ступая ровно и беззвучно, если не считать этого лёгкого шороха. Степан замер, чувствуя, как ледяные мурашки поползли по спине. Ощущение было настолько неуютным и давящим, словно сам лес дышал ему в затылок холодом могилы. Преодолев липкий ужас, он почти бегом добрался до покосившейся бревенчатой избушки, рывком толкнул тяжёлую дверь и шагнул внутрь тёмного строения.

На узком подоконнике, залитом тусклым светом, сидела девушка. Это была точная копия знахарки Марии. Тот же овал лица, те же высокие скулы. Её длинные каштановые волосы свободно падали на плечи, а на ногах виднелись простые парусиновые туфельки. И платье... то самое светлое платье, в котором её вели к столбу — чистое, нетронутое ни копотью, ни огнём. Она молчала. Незванная гостья повернула голову, и дровосек похолодел окончательно. Глаза девушки были абсолютно пусты и безжизненны — два матовых провала, затянутых белесой плёнкой, в которых не отражалось ничего живого. Она казалась совершенно осязаемой, способной дышать и говорить, но лишь смотрела прямо перед собой этим жутким слепым взглядом. Собрав остатки мужества, Степан сделал крошечный шаг вперёд, скрипнув разошедшей половицей.— Мария?... — сорвался с губ сиплый шёпот.

В тот же миг она исчезла. Не растворилась в воздухе, не ушла в стену — просто перестала быть, словно изображе-

ние стёрли мокрой тряпкой с пыльного стекла. На широком подоконнике остались лишь слабо примятые доски да кружащийся в солнечном луче пылинка.

Забыв от первобытного ужаса, зачем вообще пришёл в такую даль, Степан вылетел из сторожки. Он нёсся через бурелом, не разбирая дороги, ломая ветки и разбрасывая заготовленные вязанки, пока не выскочил на околицу посёлка. Бледный, трясущийся, с безумными глазами, он ворвался в сельскую лавку. Сквозь сбивающееся дыхание дровосек рассказал всем собравшимся о том, что увидел.

С того дня люди начали бояться леса пуще огня. Мужики больше не ходили в чащу поодиночке, женщины запрещали детям даже подходить к опушке, а тропинка к реке заросла густой крапивой. Посёлок уверовал: сожжённая заживо Афанасием Мария вернулась. Вернулась не ради мести — месть предполагает страсть, которой в пустом взгляде призрака не было и капли. Она пришла забрать своё, став немой укоризной и вечным напоминанием поселку о грехе, который нельзя ни сжечь, ни забыть.

Глава 3

Маленькая Света вытянулась в тонкую, гибкую двенадцатилетнюю девушку - живое зеркало своей матери Марии. Тот же тяжёлый каштановый шёлк волос, те же глубокие серые глаза с редкими золотистыми искрами на дне и та же тихая, плавная грация в каждом движении. Не выдержав больше гнетущей тяжести дедовского дома, её отец забрал дочь и вернулся под крышу осиротевшего жилища жены - того самого, которое деревня по старой памяти всё ещё обходила стороной. Афанасий был мрачнее тучи от такого поворота, скрипел зубами за заколоченными ставнями, но перечить сыну не посмел: страх перед ночным пожаром намертво запечатал ему рот.

Света с упоением помогала отцу возвращать дому жизнь: она отмывала вековую копоть со стёкол, перебирала старую утварь и впускала в комнаты солнечный свет. Вскоре девочка незаметно для себя увлеклась травами так же беззаветно, как когда-то её мать. Она часами просиживала над старыми тетрадями в потёртых дерматиновых обложках, где убористым почерком были выведены рецепты целебных сборов. Отец видел это увлечение, и сердце его сжималось ледяными тисками. Он знал: если старый тиран прознает, что во внучке просыпается дар знахарки, ей несдобровать. Поэтому мужчина прятал пучки сушёной полыни и зверобоя на чердаке, а

дочери наказывал держать язык за зубами. Маленькая Света понимала тревогу отца. Она была мудра не по годам и делала всё, как он просил.

В тот год зима выдалась лютой. Сугробы намело едва ли не до самых коньков крыш, превратив посёлок в глухую белую крепость. Лишь тёмные ниточки протоптанных тропинок да расчищенные дворниками дороги связывали избы друг с другом. В доме Марии, согретом жаром натопленной русской печи и пахнущем свежими щами из кислой капусты, было уютно и покойно. Зимние сумерки сгущались стремительно, съедая дневной свет уже к четырём часам. Семейный ужин отца и дочери при свете керосиновой лампы прервал тяжёлый, требовательный стук в промёрзшую дверь. Мужчина вздрогнул, отложил деревянную ложку и пошёл открывать.

На заледенелом крыльце стоял Афанасий. Годы словно спали с него разом, оставив лишь серую маску животного ужаса.- Здравствуй, сынок, - голос старика дрожал и срывался на сип. - Как... как Света?Мужчина молча посторонился, впуская отца в тёплый полумрак сеней.- Всё отлично, батя. Живём, работаем, топим печь.

Внезапно сквозняк рванул тяжёлую дубовую дверь на себя. Ледяной ветер-хвату́н хлынул в прихожую, швырнув в лицо горсть колючего снега пополам с золой из открытой печной заслонки. Пламя свечей на столе испуганно дрогнуло и погасло, погрузив комнату в синий, моги́льный мрак. На пороге, прямо за спиной съёжившегося Афанасия, стояла

она. Та самая фигура, которую насмерть перепуганный дровосек видел в лесной сторожке тринадцать лет назад. Мария. Её длинные волосы не покрывал снег, платье казалось сотканным из густого вечернего тумана, сквозь который едва проступал силуэт. Старик аж побледнел до синевы губ, попятившись и упёршись костлявой спиной в грудь сына. - Откуда ты взялась?! Что тебе нужно?! - сорвался на визг Афанасий. Его обычная властность рассыпалась в прах.

Призрак не издал ни звука. Мария медленно подняла руку и указала внутрь дома, её пустой, бездонный взгляд скользнул по комнате, задержавшись на замершей у стола Свете. Холод стал таким плотным, что у мужчин перехватило дыхание, а оконные стёкла покрылись толстой коркой инея изнутри. - Это мой дом, - прошелестело в тишине, оседая на стенах морозным узором. - Мой муж. Моя дочь. Афанасий затрясся мелкой дрожью, цепляясь скрюченными пальцами за рукав сына: - Нет! Это мой сын! Моя внучка! Я здесь хозяин! Дух Марии сделал шаг вперёд, проходя сквозь замершего Афанасия. Старик зашёлся беззвучным криком, хватаясь за сердце - тело пронзил такой холод, будто сама смерть заглянула ему в душу. Призрак остановился посреди комнаты, обвёл взглядом родные стены и снова повторил ровным, лишённым всяких эмоций голосом: - Мой дом. Мой муж. Моя дочь.

Ледяной вихрь взвился штопором, ударив в закрытую входную дверь. Тяжёлые дубовые доски содрогнулись, мас-

сивный кованый замок щёлкнул сам собой, и невидимая сила вышвырнула Афанасия наружу, в ревущую метель. Дверь захлопнулась с пушечным грохотом, отрезая тепло живого очага от бушующей зимы. Старик кубарем скатился с обледенелых ступеней прямо в глубокий сугроб. Поднявшись на четвереньки, ничего не видя от страха и летящего в глаза острого снега, он бросился бежать к своей избе, оглашая спящую деревню диким, животным воплем:- Ведьма вернулась! Вернулась!...

Жители выскакивали на мороз, кутаясь в тулупы поверх исподнего. Они столпились вокруг тяжело дышащего, перемазанного в снегу старика, с недоумением глядя то на него, то на тёмные окна дома Марии.- Да что на тебя нашло, Игнатийч? - басовито прогудел кузнец, опираясь на лопату. - Белены объелся среди ночи?Старик заходил в истерике, брызжа слюной:- Знахарка вернулась! Пришла за мной! За всеми нами!Кузнец посмотрел на главу деревни искоса, с нескрываемым презрением:- Окстись, старая. Марии нет давно, земля ей пухом, а ты всё умом троишься. Тебе бы отдохнуть надобно, Афанасий, а то ведь так окончательно с катушек съедешь и людей покалечишь. Иди-ка проспись.

Толпа недовольно загудела. Никто не спешил помогать обезумевшему главе. Мужики угрюмо переглядывались: страх перед старым тираном наконец пересилил привычное раболепие. Впервые за долгие годы власть Афанасия дала трещину. Сплюнув себе под ноги, старик злобно скрипнул

зубами и скрылся за дверью своей избы, которую тут же принялся забивать тяжёлым брусом изнутри.

А в доме Марии тем временем потеплело. Как только ледяной ветер вытолкнул незваного гостя, дух начал меняться. Жуткая пустота ушла из глаз, сменившись глубокой, всепрощающей теплотой. Призрачная дымка уплотнилась, обретая цвет и объём. Воздух наполнился запахом летнего луга, парного молока и сухих яблок. Некогда считавшаяся погибшей Мария вернулась в домашний очаг, словно никогда и не исчезала. Вместе с теплом печи оно возвращало ей плоть, воскрешая уставшую душу в мире живых.

Ос тех пор жизнь посёлка изменилась навсегда. Страх отступил, уступив место робкому любопытству, а затем - искренней радости. Теперь никто не отворачивался, встречая на улице мужа Марии или её саму. Деревня словно сбросила с плеч тяжкий камень вины. Вместе с дочерью они днями пропадали в летней кухне: изучали травы, смешивали чай, варили густые отвары и перетирали мази по старинным рецептам, пока отец семейства уверенно вёл хозяйство и чинил соседям инвентарь. К Марие снова потянулись люди - сначала тайком, пряча глаза, а потом открыто, неся кто крынку сметаны, кто свежего хлеба в благодарность за спасённых детей и скот.

Зима перестала быть недугом и проклятием. Люди стали чаще выходить на улицы, гулять, громко смеяться, не боясь накликать беду. Приближался Новый год - первый настоя-

ший праздник за последние тринадцать лет. Вся деревня вышла на площадь. Мужики привезли из лесу огромную ель, чьи лапы теперь ломились от бумажных гирлянд и крашенных деревянных игрушек. Жители выносили из домов столы, накрывая одну длинную общую скатерть прямо на утоптанном снегу. Дети с радостным визгом катались на санках с крутых берегов реки, играли в снежки и салочки, лепили целую армию пузатых снеговиков.

Отец смотрел, как его жена о чём-то тихо говорит со Светой, передавая ей секреты сбора зимнего чабреца, и улыбался. Мужчина был счастлив без меры оттого, что его Маша снова рядом, греет боком и ворчит на остывший самовар. А самое главное - теперь можно было не скрывать увлечение дочери от старого безумца. Афанасий заперся в своём тереме, и односельчане просто перестали его бояться. Судьба ведьмы стала местной легендой, страшилкой для малых детей, а живая, тёплая правда ходила сейчас между ними, разливая по кружкам горячий сбитень. Семья воссоединилась там, где когда-то пыталась сгореть дотла, доказав поселку, что истинное тепло нельзя уничтожить никаким пламенем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.